

Григорий Померанц Танцы на крыше

Надо отдать должное Сэмюэлу Хантингтону: он понимает, что факты сильнее, чем лорд-мэр, и правильно оценил катастрофический упадок рождаемости на всем Западе. Машины не могут остановить физического вырождения. И Запад от наступления должен перейти к обороне, к сплочению всех стран, которым дороги западные ценности, сотрудничеству, чтобы попросту выжить. В этом духе написана статья: «Запад: уникальность, а не универсальность». Это своего рода осиноый кол в идею Френсиса Фукуямы (от которой тот уже сам отказался) о конце истории и наступлении всеобщего американского мира. А заодно – косвенная оценка активности администрации Буша.

Однако мышление Хантингтона сохраняет отпечаток холодной войны. Переход от наступления к глухой обороне – только стратегический маневр. Сохраняется враждебность к России, туманно названной «православной цивилизацией», которая в мышлении Хантингтона во всем противостоит Западу. Парадоксальным образом Хантингтон поддерживает евразийцев и родственные им имперские группировки в России. Они также считают Россию безусловным антагонистом Запада, только не со знаком минус (с упором на разрушительные тенденции русской культуры), а со знаком плюс. Напротив, для католического мыслителя, Томаса Мертона, с трудами которого я знаком, православие – исконная ветвь двуединой христианской цивилизации, и отношения братского диалога, нарушенные в 1054 году, должны быть восстановлены, наряду с развитием глобального диалога между всеми великими религиями и цивилизациями.

Возможность диалога цивилизаций в мышлении Хантингтона полностью отсутствует. Хотя, если на то пошло, и во время Второй мировой войны американцы вели тайный диалог с консервативной группировкой, пытавшейся свергнуть Гитлера. А сегодня, несмотря на аль-Каиду, идет плодотворный диалог с группами еврамусульман, противостоящих ваххабизму. Петер Норман

Воге, автор книги «Ислам и современный мир», считает, что за этими группировками будущее (хотя и не близкое). Исходя из принципа глухой замкнутости, Хантингтон называет реформы Кемаля Ататюрка и Петра I полной неудачей. Доказательством неудачи Ататюрка признается победа исламистов на выборах. Я не знаток Турции, но запомнил, что за время моей жизни военные несколько раз разгоняли парламент. Демократия в Турции – направляемая (хотя и не так жестко, как в иных странах). Направляет демократию армия. И видимо из этого исходят Англия, Франция и Германия, разработавшие сорокалетний план включения Турции в европейскую систему, с превращением Европы в поле диалога между христианством и исламом (пост-кемалистского типа, т.е. без шариата и сунны).

Что касается России, то Петр не сумел гарантировать ее – на двести лет вперед – от острого социального кризиса и прыжка в утопию; но если исходить из примата культуры, то дело Петра увенчалось блестящим успехом. Мне легче представить себе европейскую культуру XIX в. без всего, что создали американцы, чем без Достоевского, Толстого, Чехова. И пусть Россия погрузится в века застоя, как Испания после своего блистательного XVII в., – даже в этом случае Достоевский останется вершиной общеевропейской культуры, как Данте, Сервантес, Гете.

Мне приходилось встречать в индийских журналах выражения вроде: «западные романисты Бальзак, Диккенс и Достоевский». Сперва это меня удивляло, а потом я понял, что споры, казавшиеся нам великими, для индийца или для китайца – провинциальные европейские распри, и со своей точки зрения они правы. Достоевский навеки впечатался в европейскую культуру и никакие соображения политолога не перечеркнут этого. Впрочем, и в XX веке, несмотря на террор против свободной мысли, были в России свои взлеты, особенно в музыке (вероятно потому, что большевики в ней не разбирались и не сумели достаточно разрушить). Чайковский, Шостакович, Шнитке – это музыка, принадлежащая не только России. Ее и в Америке считают своей.

Наконец, если говорить об упадке рождаемости, то и в этом отношении Россия остается европейской страной. Она вместе с Соединенными Штатами и Западной Европой погружается в одну и ту же пропасть. И если американская администрация столкнет в пропасть Россию раньше других, это не спасет ни Соединенных Штатов, ни, скажем, Испанию, где рождаемость еще ниже русской.

Однако какая цивилизация рушится в пропасть? Христианская или постхристианская? Я вспоминаю, что во все века нового времени рождаемость росла. И катастрофа началась после перехода от христианства к постхристианству. Не в этом ли причина? Или, по крайней мере, одна из причин, наряду с другими особенностями постмодерна, с его общей утратой глубины, с его страхом глубины, которая тревожит, беспокоит, и сосредоточенности всей жизни на поверхности.

Дело не в формальной религиозности, в посещении церкви. Тиллих был совершенно прав, назвав областью религии все предельно глубокое и серьезное в любой области культуры. И прав был Антоний Сурожский, заметив, что всякий грех – это прежде всего потеря контакта с собственной глубиной. Я думаю, что упадок цивилизации тоже начинается прежде всего с этого же, – с потери собственной глубины.

Никакие политические маневры не остановят этого процесса. Это все танцы на крыше здания, фундамент которого сползает в овраг.

Мы создали техногенный мир, дающий нам много приятных частных – в обмен на духовное первородство. Мы должны найти внутренний противовес, который вернет нам чувство целого и смысл жизни. Это общая задача и русских и американцев.